

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ПЕРВОМУ ТОМУ

ЛЪТОНИСИ ВЕЛИЧКА.

Доде Мафей Титлевскій — о разрушеніи мира
и о початку войны Турецкой зрадливой зъ Поляками
и Козаками, въ Волощій на Цецоръ рѣцѣ зъ шкодою
Полякомъ отправленной. Прилагается же тутъ гнѣвли-
вая и досадительная листовная корреспонденція Короля
Полского Жикгмунта, зъ Османомъ, Царемъ Турец-
кимъ, бывшая; зъ кропъчки рукописной Козацкой, въ
Переясловѣ Малоросійскомъ року 1636 написанной,
взятая.

Листъ Королевскій.

Жикгмонтъ третій, Божією милостію Король Полскій,
Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомонцкій,
Мазовецкій, Виолянскій, Шведскій, Кготскій, Вандалскій,
Дѣдичній Кроль. Тобѣ Алхеровѣ великому, заслепленому
противниковѣ Божію, кобилниковѣ негодному, поганину
потопенному, сину чортовскому, дѣдичовѣ пекелному,
потомковѣ люципера, велзабула, антихриста, отъ вѣка про-
клятому сину, сину Комову, у пекле роскошей твоихъ за-
живаючому, которій заживати зъ раю вигналъ, а по смерти
діаблу и зъ душею до пекла, до отчизни своей, до своей
хвали отнесуть, которая тебе ждетъ отъ початку свѣта;
где самъ продкумъ Кролевства маешъ сполечне. Діабли,
которихъ за живота чтяшь и шануешъ, тимъ нензнику и
негоднику останешъ. Пишешся освещонимъ, а ти есть
ослепленій; велке панства виславуешъ, которіе еси хитро-

стію и зрадою подь Христіанами повидиралъ, съ которихъ не утѣшился; приписуешъ себѣ Царства и Крoлевства, которихъ еси негодень. Але сподѣвамся то за помочю Бога моего Укрижованного, же орелъ Полскій у короткомъ часе, у Царигороде, Махомета проклятого и тебе самого искоренить огнемъ, а людъ твой поганій мечемъ Полскимъ зотреть и виѣвечь обернетъ; бо вѣмъ часъ згиненя твоего проклятого. Не тѣшся зъ того велми, же малую громадку войска моего зъ Гетманомъ Жолкевскимъ на Цецорѣ, зрадливе, великими силами войска своего поганского Турецкого и Татарского розгромилесь, не безъ шкoди своей въ десятеро; кгда-жъ я вѣру Богу моему, же и стокротне отдамъ тобѣ кривду мою, и зо всего панства твоего виверну тебе. А такъ вѣждь певне, же тя гонить буду, ажъ ми Богъ дасть зсѣсти на тебе, и прудко тебе навѣжу у Цариграде, съ которого можешъ заразъ утекать до Вавилоца, албо рачей до пекла, до отца твоего діабла, которій тескнитъ безъ тебе давно; отождь я тебе запужу тамъ на вѣчное потопленіе, презвиклій конецъ. Зъ Кракова, року 1620.

Отвѣтъ на тотъ листъ отъ Османа, Царя Турецкого, до Жикгмонта третого, Короля Полского.

Яснеосвецоній великого Панетва Божій Военникъ Цѣсеръ Турецкій, Цѣсеръ Грецкій, Цѣсеръ Іерусалимскій, Цѣсеръ Македонскій, Цѣсеръ Словенскій, Кроль Халдійскій, Кроль Арменскій, Кроль Атаманскій, Кроль Диманскій, Кроль мешкаючихъ въ раи, Кроль посвецоній, Синъ Махометанскій. Богъ згоди, Панъ древа залецоного отъ восходу слонца ажъ до заходу, Панъ древа квѣтнучого, надѣю потѣшенія намъ голдуючимъ, засмуценіе тобѣ противнику, Жикгмунту третому Кролевѣ Полскому, неприбранній скарбъ найяснѣй-

шой ласки нашої отвергаючому, такъ ясно презъ такъ короткое писанне пишу. Жадалъ еси ласки нашої презъ Самойла Ивановского, презъ Петра Озгу, презъ Станислава Жолковского Гетмана твоего, которую былъ и отрималъ за причиною пановъ раднихъ нашихъ; а теперъ маешь раду нашу за низащо, и землю Іерусалимскую зъ моци нашої хочешъ вирвати; прето естесь нензнимъ челоуѣкомъ, и неровній въ той мѣре чинишъ замисль. Бойся смерти зъ теми людьми малими твоими, коли умислине и явно буду на твое Королевство наступовати; и тое ся стане все яко я пишу. Разумѣй же мощь мою, которую маю въ панствѣ своемъ; ажъ дамъ знати о великой потужности панства нашего на пришлое лѣто, въ которомъ часе познаешъ мою мощь. Южъ теди нѣци не мѣй надѣи въ пріязни нашої, а ми тежъ власніе мужи твои потлучимъ, и съ подданными твоими и Краковъ, столицу твою, безъ вшелякого милосердія розгребемъ, и Укрижованного Бога твоего потремъ на вѣки, и вѣру твою викоренимъ, а посвецонихъ твоихъ конми порозволовочоваемъ. Нехай же ся Богъ твой розгнѣваетъ на мене, а тебѣ на помощь прибудеть. Мѣй же досить на томъ, и розумѣй мене якъ хочешъ, а будь готовъ коли дамъ знати. Пхимеотъ Великій, Посвецоній Божій Воинъ, Цесарь Турецкій Османъ, зъ Константинополя, року 1620.

По оной неполѣтичной листовной Короля Полского и Цесара Турецкого корреспонденци, паки полагаю о наступуючій войнѣ Хрѣтѣнской рѣчь Матоея Титлевского порядкомъ ея сице.

Отправляются убо въ Полщѣ сейми, и войною ити на вѣроломного непріателя поставляютъ; новій войска Генераль, Кароль Ходкевѣчь обѣрается, мужъ великого муже-

ства и искусства въ дѣлахъ воинскихъ. Таже посылають до околичныхъ начальниковъ Христiанскихъ пословъ своихъ, дабы махну войши оная зъ непріателемъ имени Христiанского провозвѣстили, и помощи просили; яже аще во иностранныхъ пановъ Христiанскихъ и отречеса, обаче одинако Польскій Король непремѣненъ пребылъ въ своемъ намѣренiи, на Божію помощь и своя возложися силы, двойнимъ вселенiя пострахомъ Турчину и Татаринովъ противу изійти уготовляется. А тмъ часомъ Козаковъ десять тысящей чрезъ Евксiнское море, абы руиновали панства Турецкіе и запаси ихъ переймали, виправляетъ. Донежъ же Кароль Ходкевичъ, новопочтенiй въ генерали, собравши (елико въ скоромъ времени собрати бѣ мощно) конниковъ въ зелѣзномъ оболченiи, копѣями вооруженихъ, дванадесать тысящей, панцирного воинства чтири, Козаковъ зъ Гетманомъ ихъ Петромъ Согайдачнимъ четиридесать, пѣхотнихъ Поляковъ тридесать, Прусовъ а зъ ними и Поморанщиковъ осмъ тысячь, Угровъ же платнихъ три тысящи воинства, на встрѣчь Турчиновъ, въ землю Волоскую подъ распростертими изійде хорогвами; а переправившися зъ войскомъ симъ за рѣку Днѣстръ въ Волощинѣ, на мѣстцу зѣло приличномъ, въ день приостатнiй месяца августа, року отъ рожества Спасителя нашего 1621, поставилъ своя обози. День остатнiй августа и первiй месяца септеврiя, на укрѣпленiе обозовъ былъ отложенiй.

По свидѣтельству единакъ рукописного Козацкого лѣтописца, августа въ день остатнiй, прибыло подъ Хотѣнь, въ обозъ Польскій Запорожцевъ 3,000, зъ Гетманомъ своимъ Бородавкою, лечъ вскорѣ Бородавка отъ начала своего извѣрженъ, а войско его вручено Сагайдачному Гетману; а то за тое Бородавка обвиненъ, что не поспѣшалъ зъ войскомъ своимъ до главного обозу Польского, да бавмлся въ дорогѣ здобичъ..... (*)

(*) Приписка въ рукописи.

Дня 2, мѣсяца септеврїя.

Возвѣщаютъ вивѣдчики Полскїи, яко Отоманинъ съ трема стами Турковъ а сотцемъ Татаровъ тысящами близко уже притягаеть. Предъ симъ, дня осмого, виправилъ былъ генералъ нашъ (глаголютъ Поляки) Козаковъ нѣколикосъ тысящей, аби непрїателевѣ на кривинахъ путнихъ наѣздами пакостили; тѣ нехѣливо дѣло совершивши, дня сего зъ непрїателемъ бїющеся, ко обозу показались. А яко тилко непрїатель предъ очима нашими отвелъ свои обози, чудесное въ сердцахъ нашего воинства было желаніе, ежеби зъ нимъ абіе потребу имѣти. Но обаче во бранехъ искуснимъ Гетманомъ здалося неполезно тогда на неизвѣстнїй подвигъ выставлять тако Королевства Полского, яко и всего Христїанства сили, въ поволности паче первымъ гнѣва запаленіемъ шумящому противитися непрїателевѣ. Того сего дне партїя войска Турецкого подъ обозъ Полскїи подступила, и уставичними наѣздами зъ войскомъ Полскимъ пресиляшеся, зъ которыхъ тысяща и осмдесятъ Турковъ упало; многїи же зъ близка копїями, шаблями, а отъ подаль арматою раненїи, въ своемъ ихъ обозѣ умираху варвари; Поляковъ пятидесятъ нестало, тридесять было пораненныхъ. Се первое было воинское привѣтствїе. Предъ вечеромъ засилаеть Отоманинъ нѣкинхъ Волоховъ знаменитихъ, образомъ привѣта, до генерала Полского, самую же вещь, да идѣ же усмотрягъ благоугодно, зажгутъ обози Поляковъ. По одправѣ убо привѣтствїя, единъ зъ тѣхъ Волошвигъ на испитанїе ятїй, откривши оное ихъ злое намѣрнїе и тоя зради вїявилъ содруговъ; иже егда на мученїи . . . . . де сознали, вси на томъ же мѣспу такъ крїемо смертїю пострадаша, яко неточїю . . . . . но ниже Полякомъ всѣмъ о смерти ихъ сотворися. Таже генералъ Пол-

скій, въ ночи, окрестъ обозу на многіи мѣста сухихъ дровъ возносити, и тѣмъ во едино сложеннымъ огнь подложити повелѣваетъ, а изведши Козаковъ десять тысящей и пѣхоту Прусскую, сію на челѣ, онихъ же изъ боку посаждаетъ; где Турчинъ плами виспрѣ восходящія егда увидѣлъ, мня же событіе зради, тѣмже на опламененіи Поляковъ обози война своего охотного выпускаетъ; но на самомъ ко обозу приходѣ, нечаемо отъ Козаковъ и пѣхоти, на то устроенихъ, пріяти ^ббываютъ варвары. Брань меча остриемъ абіе течаше; потомъ же, когда уже молви ради и смятенія ниже совѣтъ, ниже повелѣніе исполнити варвары можашу, воздыханіемъ умирающихъ, паденіемъ уязвляемыхъ или звукомъ желѣза пристрашни суще; въ ярости нестойкій слѣпо на забой рѣяхуся, ивнїи отвергнуши оружїе, и тѣ въ труповъ купи впадши углебаху, инихъ же ко бѣгству уже обратившихся паки гоняху ко брани идущихъ полки. Объ всю ночь сію бшася жестоко, день войну сію разведе; Турки въ своя обози отидоша.

Дня третьего мѣсяца септеврія.

Видитъ Императоръ Турецкій яко его оболстиша; того ради отъ трехъ сторонъ на обозъ нашихъ устремителнѣ скрежещущи нападаетъ; то есть отъ страни оной, на нейже нашихъ остѣнная (глаголють Поляки), обози Козацкіе стояли, ажъ до послѣднаго полка Полской дивизїи. Всего дня сего бшася жестоко, отъ стана Поляковъ на неприятеля ядромъ пушечнымъ праволучно меташу; а предъ заходомъ слонца Турки до обозовъ своихъ уступили.

Свѣтлѣйшїй Принцъ Владиславъ дня сего во обози притяже, зъ тридесатма тысящами легкого воинства и многимъ военнымъ припасомъ. Ноци теди и дня мимошедшаго, убито неприятеля болѣе нежели двадесать тысящей. Сему же тамо содѣвающуюся, Великій Князь Московскій со-

бравши множайшее воинство, на Княженіе Сѣверное находиле, а на трактатъ и сотвореное примире непамятствующи, вся ограбляше. Такожъ и Король Свѣйскій Адолъфъ Густавій моремъ Ливонскимъ зъ ряснимъ флотомъ подпливши, Ригу градъ столечній Ливонскій, славній пристанищемъ, вземши въ обсѣденіе, добываше и оній предателствомъ нѣкихъ, иже отъ Римской релѣгии тужди бяху, получаетъ.

Дня четвертого, мѣсяца септеврія.

. . . . . слонцу, Императоръ Турецкій всѣми силами войска своего на обози Козацкіе натираеть, ибо на челѣ отъ обозовъ его были; зъ армати, такожде и прочаго оружжа огненаго ручнаго палили ужасно, и ажъ чрезъ пять годовъ усилий наѣздъ сей пребываше. Козаки зъ крѣпости отбивалися великодушно, непріятель же во великой силѣ и устремленіи на обозъ ихъ нападаше, и того ради великому множеству варваровъ не малое бысть паденіе. Во оній же самій часъ напускаеть Отоманъ великую янчаровъ силу тамъ, где стратигъ сили Полскоя стоялъ зъ своими военачалниками; но отъ Поляковъ конно сопротивъ изшедшихъ бывають Янчаре сотрени, и не многіи отъ нихъ до своихъ уходятъ. Такожде и повторе со всѣмъ войскомъ до обозу Поляковъ Турчинъ выпадаеть, но вотще трудившися, великимъ своихъ паденіемъ принужденъ, уступаетъ; обаче не безъ повороту; ибо и еще предъ захожденіемъ слонца, якъ би за одну годину, болшимъ уже яко первѣе обозовъ Козацкихъ добываше насиліемъ, и уже сверѣпому варварскому налогу видяхуся уступитьи Козацкіе обози, но обаче Богъ неотступенъ со своими бяше. Козаки бо учинивши вѣпоръ съ конца обозовъ, а сложивши сили своя зъ копѣборнимъ коннимъ, въ помощь отъ генерала приславимъ воинствомъ, близко на Турковъ пришедши, и кровавую битву показавши, многочисленія полки чуждихъ въ бѣгство

обративша, а такъ великую имъ пагубу содѣлавши, гнаху ихъ даже до стана ихъ. Много сею войною арматъ взяша, великимъ же добытіемъ наполнени, настоящей уже нощи, кровію варварскою очервлени суще, во обози, не многихъ своихъ уронивши, возвратишася. Самъ Турецкій Императоръ, иже на позоръ сей произошелъ бѣше, принужденъ зъ баталѣи, убѣже во обози. Дня сего убито Турковъ и Татаровъ болѣе нежели пятнадцать тысящей, янчаровъ тежъ три тысящи, зъ нашихъ же едва двухъ сотъ нестало. Но сію толикую супостатовъ, такъ на мимошедшихъ до обозу приступахъ, яко тежъ и на баталѣи открытой поражку, немногихъ же Поляковъ упадокъ, Божіей вмѣнати силѣ а не человѣчестѣй, яже Полякомъ Свѣшше поспѣшествоваше.

Дня пятого, мѣсяця септеврѣя.

На обоей странѣ сталося примиріе. Погребаніемъ мертвихъ упражняхуся, да не отъ возмердѣнія онихъ въ стану сущіи вреждаются; толикая бо отъ солнечного паленія труповъ юга, страшная видѣнію, и самихъ варваровъ ужасаше, яко нужда имъ бысть нощію со возженими походнями оніе погрѣбати. Того дне Турки воспятъ да... обозъ свой подвигнувши, новій приступъ до обозу Поляковъ приуготовляху. Но и Полякъ немедленно Бога на помощь призвавши, а изведши отъ боку обозовъ часть войска своего ко брани, великодушно стоя, ожидаше супостата. Но уже Турковъ воспятъ полки хотящія, яко скоти ко брани гоняхуся; но понеже предъ полуднемъ дождь проліяся, ничтоже въ той творити день покусишася.

Дня шестого, мѣсяця септеврѣя.

Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ Козакъ нѣкій, которій седмь лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволѣ; сей

утверждаше глаголя, ижъ на преждебывшихъ ко обозу Полскому пристунахъ, полегло янчаровъ чтири тысящи, шпаговъ триста, Турковъ же зъ Татарами множае нежели четиредесать тысящей убито; коего паденія тако варвари устрашишася, о гладѣ же, иже въ ихъ обозѣ крѣпяшеса, тако си стужиша, яко многимъ имъ отъ стана бѣжати. Шестого дне Турки почиваху, сего ли ради, яко ихъ Императоръ ко приступу охотнѣйшихъ сотворяя, денги воиномъ раздаше; или яко обозъ Турецкій, которій по пригорбкахъ широко былъ протяженій, того дне стѣсняшеса. Онъ же Козакъ и се возвѣщаше: что во обозѣ своемъ Турки проговоруять—дванадесать суденъ, узброенихъ арматою, на морѣ Евксинскомъ Козаки емиши потопиша, избывши же въ Константинополь убѣжаша; ихъ же даже до самихъ стѣнъ града Козаки гоняще, всѣхъ Царигородцовъ устрашиша; сея новини перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое-жъ самое и Турки многіи, на стражи яти, единодушнимъ согласіемъ глаголюще, утверждаху.

Дня седмого септеврія.

Янчаре и иншіи многочисленніи полки Турецкіи, учинивши ужасній крикъ, скоротечнѣ на обози Козацкіе нападаютъ; а изведши на гору сопровитъ лежащую армату, горящими ихъ кулями досягаютъ.

Весь день навалность войска Турецкого неустрашенній Козакъ на себѣ сдержуетъ, тысящю и пятмасти пушечныхъ ядеръ смѣраемій, не мало своихъ уронивши, помощь отъ пѣхоти Пруской имѣя, врагу крѣпко сопротивляется. Таже по полудню непріятель отъ обозовъ Козацкихъ свернувши, свѣжимъ людомъ на Поляковъ ударяетъ. Толь возверѣниша варвари, и держаху на обози Поляковъ, ко-

торихъ гвалтомъ уже добыти имѣяху, яко зъ гнѣва люто-сти, слѣпо на оружіе Поляковъ пряхуся, и яко скоти всюду закалаеми бываху. Тѣмъ же уже вали и раскати, окрестъ стана бывшіи, зъ коней мещущися, Турки прелѣваху. Но не меньшая отвага нашихъ отъ варварского сверѣпного неистовства баше: ибо Поляки на поле отъ обозовъ зъ тысячами двома копіеломного воинства, зъ боку на непріятеля выпадають и новій бой сочиняють. Числомъ варваринъ, но великодушіемъ Полякъ превосходяше; укрѣпившися убо зѣло гусарного воинства своего силами, во полцѣхъ вражніхъ, зѣло многихъ сущихъ, погрязаетъ; и тако предній полкъ непріятелскій преломивши, со другимъ боряшеса. Посилаются посланки зъ обозовъ на отвратившого непріятеля, которіи зъ лѣвого краю нападають; ихъ же устремительное нападеніе даде ухилитися непріятелскому баталіону; такожде же и Козаки зъ обозовъ уже на вдающіяся ордини янчаровъ бистро ударяють. Откуда толикимъ людей поломомъ и оружіа, на немже войско варварское стояло мѣсто наполниша, яко чрезъ оное едва не труднѣйшее было прошествіе, неже чрезъ сотѣсеннне войска супостатовъ. Таже конное Полское воинство полки своя совокупивши, которми Турецкій баталіонъ збило, а отъ другія страни такожде Козаки, чрезъ купи труповъ и оружіа, по лужахъ крови, даже до обозовъ Турецкихъ гоняху вслѣдъ побѣгшаго непріятеля. Ноцъ близъ уже бывшея викторіи воспяти теченіе. Онѣи же Турки, иже обозовъ передній окопъ уже прехождашу, вси до единого тамо избіени суть. Чрезъ увесь день сей всеусилно обози Поляковъ, во вотще, зъ великою своихъ пагубою Отоманинъ яти вуждашеса; ибо убіенихъ на полю и въ ровахъ предъ обозомъ болѣе нежели четиредесять тысящей упало. Поляковъ же (кто не видитъ яко единого Бога рука покриваше?), егда въ столь лютомъ зъ пушекъ на ня стрѣляніи, варварскихъ же наѣздахъ, толико на кровавой со сон-

момъ непріятельскимъ бывшей брани ниже тресотное число отторжеса; Турецкихъ двоухъ башей убито.

Въ часъ ноци третій, Турки великимъ гуртомъ на поле, где была потреба, со свѣтили изидоша; возвисивши же смутнія плачевнія гласи, побіенія трупы въ ровы и гробы зношаху; нѣкоего же мужа велико именита тѣлесе тщетно искаху. О чесомъ абіе нашихъ, яко и о новомъ ко обозу приступѣ Турки, ноци тоя ятін, увѣдомили. Сего ради генералъ Полскій образомъ посѣщенія ноцію во обози Козацкіе прійде, и утверждаетъ глаголя, не боятибися супостатовъ, ниже до толь ниже въ благополучіи ни во великодушїи намъ равни явишася. Повелѣваетъ такожде дабы партія войска Козацкого на окопахъ, партія же на конехъ прыготовленихъ обрѣталася; примѣсивши же къ имъ полкъ пѣхоты Прусской, подъ руководствомъ воеводи Кулменского, тѣхъ между Козаками на остѣненїи поставляетъ. Пѣшеходи бо сіи такъ на брани открытой, яко тежъ и отъ обозу мужественно зъ ручницъ воеваша. А такъ во обозахъ Полскихъ копіеоружній воинъ, уже на битву изійти имущїй, стоя труби ожидаше.

Того-жъ дня Бородавцѣ, Гетману Запорожскому, голору оттято въ обозѣ Полскомъ, за вину его прежде, августа остатнего, въ сей гисторїи вираженную.

Дня осмого, мѣсяца септеврїа.

Едва точію день возсія, егда партія войска Турецкого на полю битви повстала, на челѣ янчаре, по обои же сторонахъ великое множество Татаровъ, сотворивши крикъ, на сопротивъ лежащїе обози Козацкіе устремляются; где Козаки велми тихо стояли, дабы непріятель ближе подступившїй могль удобіе стрѣлбою язвитися. Но уже Татаре окрестъ обозу объездящїи, звиждущїе испущаху стрѣли, янчаре до рову вскаковаху; егда_внезапу оная устрое-

ная пѣхота со стѣненія повставае, и изъ мункетовъ зблизка огню даетъ. Тогда яко огнемъ горяще были обози Козацкіе, въ диму же и пѣску взбитомъ, битва была недоумѣваемая; таже безоружніи Татаре отъ обозовъ отбѣгають, янчаре же крѣпко стоятъ въ приступѣ, а иншихъ, плещи уже дающихъ, шпаги на оружіе Козацкое яко безсловесное животно зъ росказу Императорского гоняху; иже отъ пѣхоти Прусской преломленія въ свои обози отступаютъ. Мало годипъ не чотири, зъ великимъ супостатовъ крови пролітіемъ, сей наѣздъ пребываше; въ самихъ бо фоссахъ предъ обозомъ, янчаровъ три тысящи, а шпаговъ сотъ три упало; ихъ же тѣлеса Прусси пѣхотніи, содранія, отъ стана далѣе на купи сметаху, огнемъ смрадъ труповъ по полю валяющихся отражаючи. Зъ нашихъ немнози были убіенни, ибо отъ соостѣненія сопротивляхуса, где янчаровъ фурія вредити неможаше.

Дня девятого септеврія.

Повелитель Турецкій, по часѣ полуденномъ, все свое войско на поле битви произведе; но ниже генералъ войска Полского отвлачаше дати баталію, ибо приутотовивши войско за обозомъ, непріятелиевъ своему сопротивъ стояше. Обѣ войска устроенія, даже до пришествія солнечнаго на западъ на полю пребыша, ни единому ко брани початокъ даючи, отъ крѣпостей точию и раскатовъ зъ пушокъ зривалися. Подъ вечеръ же янчаре ко обозу Козацкому усилю штурмуютъ; но сихъ отъ обозовъ своихъ Козаки прогнали. Предатель, иже ноци тоя до Поляковъ предложися, возвѣщаше: яко шпаговъ, которіи по указу своего Императора въ приступѣ до обозу Козацкого преди янчаровъ идяху, болѣе двохъ сотъ пропало, янчаровъ же двѣ тысящи.

Дня десятого, мѣсяца септеврія.

Турки толикими бѣдами предтружденіи почиваху, чрезъ мостъ же на рѣцѣ Днѣстрѣ отъ боку Полскихъ обо-

зовъ состроеній, многія пушки перевозяху. Въ той же день Ханъ Татарскій зъ войскомъ своимъ на брезѣ рѣки, то есть на ономъ мѣстцѣ где путь до Полци бѣше, залеглъ обозомъ, и партію войска своего, яжебы сограбляти и разорати все Подоля мѣла отпустилъ. Престрашила новостъ сія сердца Поляковъ; супостатъ бо вся пути обдержаше, яко ни едина зъ обозу во отчество датися, или отъ туду воспрійматися вѣдомостъ можаше, и не бѣ ни чаема, прочее войску Полскому гладомъ уже бѣднѣ страждущему, кіимъ-либо худоществомъ или силою помощь стяжатися. Дивяшеся предъ очима Поляковъ сожженое отъ Татаровъ Подоля; толикое же людій и скотовъ добыте предъ лицемъ ихъ въ стану непріятельскомъ было раздѣляемо. Горяше убо воинъ Полскій остатнею войною зъ непріателемъ сразитися, а Козаки хотяху, пребывши рѣку, зъ Татарами вдаритися, и тѣхъ отъ облеженія путій прогнати обѣщавахуся. Сія вещь въ совѣтъ была воспріята, и усовѣтовася нераздѣляти бы сили, ибо удобіе раздѣленой непріатель зъ толикими войсками одолѣти видяшеся; на той землѣ или умрети, или окрутному сопротивъ стояти непріателевѣ мужество и благополучная нань, даже до селѣ, фортуна увѣщаваетъ. Другого дня... Владиславъ принцъ и генераль Полскій, подобно для уставичного бдѣнія, въ болѣзнь фебра именуемую впадоша, что войску Полскому великія печали бѣше; вся бо сила воинства Полского и Кролевства на онѣхъ двою залегаше.

Дня единадесятого септеврія.

Війшли зъ обозовъ Турки, а устроивши ордини войска своего, въ половинѣ нѣмецкой миглѣ отъ обозовъ нашихъ, на войну приуготовлени повстали; заразъ и генераль войска Полского, барзо уже немощній, трубою войну провозвѣстивши и наѣзниковъ предпославши, половину войска своего, на образъ орла крылѣ простирающаго, древнимъ

отческимъ обычаемъ устроеную, ко брани изводитъ. Узрѣвши Отоманъ знаменія нашихъ, и яко войну готови суть дати, стоялъ нѣкое время недоумѣвая, яко удивленъ; таже свивши хоругви, страха ли то ради, или по смотренію Божію, во обози возвращается. Полское войско весь день стояло, но гласомъ трубы супостатъ ко брани многожды визиваемій не изійде: глаголаху, яко нѣкимъ злополучіа прознаменованіемъ былъ пристрашеній. Того дне о сопротивъ лежащаго рѣки брега, на обози Козацкіи безпрестанимъ стрѣляніемъ билъ непріятель; но яко въ людехъ такъ и въ конехъ значного не учинилъ упадку. Нѣции Татаровъ тысячи, на другомъ брезѣ рѣки зъ великимъ крикомъ устремившия, мостъ Поляковъ розирвати нуждахуся; але отъ двохсотъ пѣхоти Полскоя, которая на заставѣ у мосту стояла, въ бѣгство обратишася.

Дня дванадесятаго септеврія.

По часѣ полунощномъ, оставивши зъ доволнимъ воинствомъ ко защищенію въ обозѣ сіятелнѣйшаго принцепала, яко немошнаго, войско наше вѣйшло, аби на врага нечаянно напасти; и едина партія его, отъ тилу войска непріятельскаго здалека лѣсами зашедши, другая же зъ чела и отъ боку застановлена была; но дождъ велій проліявшия, воспятилъ намѣреніе, обаче надѣяхуся погоднѣйшаго времени тое учинити; ибо войско Полское до стана своего возвратилося, ни едину о хитрости намѣреваемой непріятельвѣ вѣдомость подавши.

Дня тринадесятаго септеврія.

На обохъ сторонахъ былъ постановленій фриштъ, на погребаніе труповъ.

Дня четвертого надесять септеврія.

Знову проносилося въ обозахъ Турецкихъ, яко нѣколько суденъ флота Отоманскаго Козаки въ морѣ Евксин-

скомъ затопили. Тою новиною на ярость возбужденій Турчишь, крѣпкому приступу до обозовъ въ день градушій заповѣдалъ быти.

Д н я п я т о г о н а д е с я т ь с е п т е в р я .

Скоро тилко зійшло слонце, заразъ Турки и Татаре на обози Польскіи и Козацкіи отъ трехъ сторонъ наверхули; толь же много и силно зъ пушекъ и иного дробного оружья палили, яко и самая земля трасится и горѣти видяшеся. Самъ Императоръ на мѣсту височайшомъ стоя смотряше, нимало же на людей толь многихъ, бѣднѣ погибающихъ, уважаючи; на приступъ ко обозомъ онѣхъ, по обычаю скотовъ, дреколми гонити веляше. Былъ чрезъ весь день сій гвалтовній приступъ; но Богъ Препоблагій, Всесилній, по благодти Своей сотвори се, яко отъ всѣхъ сторонъ вражіе нападеніе суетно и безуспѣшно бяше, зъ превеликимъ ихъ паденіемъ, нашихъ же зъ немногимъ врежденіемъ. Таже вситавши все штурмомъ ко обозу, а уронивши Турковъ и Татаровъ тридесять тысящей, личаровъ также и шаговъ три тысящи, зъ превеликимъ встидомъ на отступъ вострубивъ непріятель. Усталое поле оное, соравненіи обохъ обозовъ fossи варварскими трупами, воинству нашему такъ додавали сердца и отваги, что нетилко брамами зъ обозовъ выпиралися; но чрезъ вали и рови прескакаючи, близько съ Турками въ чудеснѣ силѣ потребу отправляли. На сей потичцѣ, Баша, губернаторъ главного мѣста Буди, еже въ Панноніи, мужъ передній между Турками и самому Императору зѣло любезній. . . . во первыхъ кулею въ чело пострѣлений; иже мало предъ симъ до обозу Императорского, зъ двадцатьи Турковъ тысящами притягль былъ, и хваляшеся бѣ тоа щастя отъ Махомета злѣщійное мѣти, еже-бъ Поляковъ обози добыти. Тую-жъ смерти чашу испилъ, ибо подобнимъ образомъ погибъ и Насафъ Баша, мужъ чудесноя крѣпо-

в

сти и отваги. Плакашесь Турецкій Императоръ того своихъ злополучія, и ничтоже въ весь день той пищи..., или сего ради найпаче, яко новая вѣсть зайде ижъ Пресвѣтлѣйшій Кор....ская Король, зъ крѣпкимъ воинствомъ генеральной виправи притяга.. чего ради пристрашеній непріятель, остатного на войнѣ той щасте . . . скоро хотяше. Тѣмъ же ко обозомъ пакы быти въ приступѣ уставилъ, ибо чаяше яко уже войско наше изнеможе, гладомъ истаявшее, а уставичною стражію томимое.

Дня шестогонадесятъ септеврія.

Радился генераль войска Полского, созвавши Гетмановъ, полковниковъ и сотниковъ, чтобы благо о войску гладомъ уже утѣшяемомъ провидѣти. Мнози многіи совѣти изношаху; инніи свійстися съ непріателемъ бранію, и на баталію всеконечную отважитися, не имѣти сомнѣнія о крѣпости воинства своего, ему же даже доселѣ fortuna благопоспѣшествоваше. Сей гласъ мало не всѣхъ блане. Нѣвнн точію уступити до Камянца, мѣста самимъ натуральнимъ положеніемъ кгрунтового, и тамъ би войско живностію послалковати, а дожидатися иного войска отъ Королевского Величества, совѣтъ подаяху. Также на сіе сложилъ: умерети наче, врагу сопротивляючися, нежели на едину стопу, аще и малѣйшую, уступити варваромъ; аби отступленіемъ тѣмъ не подати приступленія до отчизни, купно же и смѣлости ослабѣвшему непріателевѣ.

Дня семогонадесятъ мѣсяця септеврія.

Нѣколикось сотень войска Козацкого во обози непріятельскія ноцію вшедши, много наметовъ вирѣзали, болѣе тисащи непріателей безъ груку, шаблями убили, и сами здрави, ни единого зъ своихъ погубивши возвратилися. Такожде тоя-жъ ноци, тин-жъ де, у мосту отъ Турковъ збудованного, Циреаша Башу, которому стражъ мосту была

верушена, зъ множествомъ Турковъ и сотцеиъ янчаровъ умертвили и многихъ плѣнниа, великую же добычь отнесли, въ цѣлости до своихъ привернулися. Все воинство Польское въ чудесномъ желаніи бяше, сего тилко хотяху, даби имъ Свѣтлѣйшого Князя Владислава въ первобытномъ здравіи яко скорѣе на конѣ узрѣти, иже воистину ко благоподвижной доблести великое подущеніе которого быти виданесе.

Дня осмогонадесятъ септеврія.

Другимъ разомъ Козаки въ обозъ непріятелскій ноцію тихо вшедши, болѣе шестисотъ отъ полка непріятелского убиша; где добыли много наметовъ, коней, драгоценного одѣянія, вельблюдовъ, воловъ, злата же и сребра; такожде же и два янчаровъ знаменія, сами суще невреждени, въ свой обозъ внесоша и вдаша Владиславу Сіятелѣйшому Князевѣ. Легкій бой зъ обомъ сторонамъ бывалъ даже до дне двадесать четвертого, въ оиъ же Кароль Ходкевичъ генераль, тажкою болѣзнію ослабленій, плачъ всѣмъ сотворши, преставися въ замку Хотѣнскомъ. Получивши убо варваримъ вѣдомость о смерти толикого мужа, возиграся радощами и вроницаше глаголя: яко уже Поляки стративши сего щасливого и великодушного вожда, отъ него же оиъ многожды былъ утѣсеній и на толикихъ бранехъ поражений, стратили и благополучіе.

Чого не обрѣлося въ семъ Титлевского, войну Хотѣнскую описавшого, діаріунгѣ, тое прилежилось тутъ въ двохъ дняхъ зъ рукописнаго лѣтописца Козацкаго.

Септеврія дня двадесать второго.

Въ ноцѣ килко сотъ добрихъ молодцовъ Козаковъ отважне на тую Днѣстра сторону тихо переправившиися, напали на Турковъ и побили ихъ не мало, где и двохъ Вашовъ забили, а Вейзеръ ледво утѣкъ до лѣса; и по та-

номъ отважномъ ридерствѣ зъ немалою здобичью повернули въ цѣлости до обозу своего; а Вейзеръ ажъ о полуднѣ зъ лѣса прибылъ до обозу своего.

СЕПТЕВРІЯ ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТОГО ДНЯ.

Знову Козаки охочіе кылко соть собравшыся, къ нимъ же и пѣхоти Полскои до двѣстѣ товариства прилучившыся, и чрезъ Днѣстръ мостомъ своимъ ночью добы тихо прешедши, вдарили на Турковъ, где убивши ихъ до тысяч, и въ Днѣстръ нагнавши немало потопили; своихъ зась тядко трехъ пострѣленихъ взявши, повернули до обозу своего, но не зъ такою уже здобичею, яка дня вчерашнего имъ досталася.

ДНЯ ДВАДЕСЯТЬ ПЯТОГО СЕПТЕВРІЯ.

Отъ всѣхъ сторожъ Турчинъ на обози Поляковъ находить, и всѣми силами своими такъ коннымъ, яко и всѣмъ пѣхотнымъ воинствомъ онихъ добываетъ. Нашимъ убо аще вождь и не бляше, много паче болѣзнену сущу Сіятельнѣйшому Князю, въ немъ же единомъ вси упованіе полагаху. но мужество съ дерзновеніемъ единаче не оскудѣваше; нбо за новодомъ Ставѣслава Любомирского (мужа въ отчествѣ востяну единаго, которому Сіятельнѣйшій Принцъ немощнѣй суще, по смерти генерала, въ то время всего войска правленіе за добримъ всѣхъ изволеніемъ приручилъ бляше) наѣздъ непріятелскій тако отбили, яко того дне болѣе неже осмь тысящей войска Турецкого на ономъ приступѣ упало.

ДНЯ ДВАДЕСЯТЬ ШЕСТОГО СЕПТЕВРІЯ.

Когда уже Отоманинъ отвергся своего благополучія, и уже обозомъ мощи завладѣти егда не надѣяшеса, силамъ же войска своего яко день отъ дне множае умалятися видяше, чтирехъ славнихъ Башей и толико тя-

сянцъ на показаннѣхъ баталіяхъ воеводства своего погубивши, иже предъ симъ не многими денми ярмо работи на глави наши возложити гордостно кленяшеса клятвопреступній, миръ уже избрати желаше; сослалъ бо во обози наши зъ листами Баптусту Вѣнеллѣя Италянина, ижеби ко возновленію чрезъ толико лѣтъ зъ домоу Отоманскимъ бывшаго некою намовилъ Поляковъ, и потребовалъ комѣсаровъ ко постановленію оноу. Убо вещь сія, се есть на таковой конецъ война понзшедшая, воспріяти покой война Полского отрицающагося, но уже гладомъ изнемогшаго, радостна творяше, непріятелевъ обаче толикокрѣтне въ правдѣ непрѣбывшему не вѣрили.

Дня двадцать седмого септеврія.

Турчинъ аще и поискалъ былъ мира, но обозовъ Козацкихъ зъ арматъ многихъ и долго добываше, котерими яко успѣлъ ничтоже, зблизка ко обозомъ начать приступъ чинити; но егда Козаки готови на брань за обози изійдоша, непріятель воспятися. Въ сей день Князь Сіятелнѣйшій воставши отъ сумнительной и небезпечной болѣзни, ею же зѣло великою а съ нимъ и все войско немоществоваше, воинству радостними отъ всюду восклицанми привѣтствіе ему сотворяющу, обози ъездыше. Въ сіяж-де дни Козаки на обозъ непріятелскій нечаянно нападши, и много ихъ положивши, великимъ страхомъ и трепетомъ войско непріятелское наполниша, пребогатою же корыстію обременени, цѣли до обозовъ своихъ возвратишася.

Дня двадцать осмого септеврія.

Императоръ Турецкій намѣривъ о крайнемъ щастіи войною спитати, и о томъ первѣ Хану Татарского увѣдомивши, дню возсіавати начинающу, войско великими ротами заводити началъ, а яко вѣвцемъ Полскіе окружилъ обози зъ ихъ крѣпостами; и многіе отъ трехъ краевъ обозу ут-

вердивъ арматы, переправивши такожде тридцать окромѣшнихъ, обонъ полъ рѣки берегъ осадилъ, зъ которыхъ оба обози, Полскій и Козацкій, чрезъ нѣкое время разбиваше; обаче ничтоже успѣлъ, ибо въ обозахъ нашихъ три точію пушечнымъ ядромъ ударени погибоша. Но егда отъ двохъ воротъ обозу зъ многихъ палилъ непріятель пушекъ, где у однихъ главній воевода зъ своимъ полкомъ, а въ другихъ воевода Кулменскій зъ Прускими полками стояли, и отъ всѣхъ сторонъ когда великій натискъ належане, мѣшущимся зъ коней Туркомъ, и себе до пѣшого войска и янчаровъ присоединяющимъ, окрестъ Поляки отъ варваровъ, яростію неистовихъ, во великомъ утѣсеніи бяху.

Были тогда сопротивници взятія обозовъ надѣю тако запалени, яко уже Поляковъ въ рукахъ имѣти мняхуся, и чрезъ нѣкое толко малое время тѣхъ животу и здравію пребыти чалху; уже бо варвари чрезъ рови, своими трунами соравненіи, въ обози Поляковъ валилися, утружденніи же врага сѣченіемъ, наши со остѣненія уступаху. Что пе-смотрѣвши Князь Сіятелнѣйшій, абіе на помощъ подалъ воиновъ въ обозѣ сторонамъ изнемогшимъ, и ко противостоянію врагу паки обрати, глаголющи тако: «нѣсть се крѣпости Полскоя, изнемогшему уже толикими войнами и штурмами непріятелевъ, въ сей единій часъ податися, когда и овшемъ стояти и умрети принадлежить; непріятель бо крайнего щастя сею войною испитуеть, по которой зъ нами болѣе уже не приложитъ брань творити.» Се изрекши самъ во первыхъ зъ двома копіеоружнаго конного воинства тысящами на непріятеля выпадаеть, отъ боку обозовъ ворота растворивши. А такъ, когда добръ зъ непріателемъ біющися подвизанешся, сей израдного воина и великодушнаго вожда примѣръ только воиновъ сотвори мужественныхъ, яко отъ обозовъ всюду проистекшимъ, се уже находящаго врага отвратити, и уходящаго до своего стана гонити во великомъ сердца дерзновеніи. Сіятелнѣйшого Князя,

женущаго и далѣе во слѣдъ непріятеля, съ нимъ бывшія вой удержаша, да не врагъ убѣгающій, уже заходящу слонцу, разсипавшихся зъ обоу Поляковъ обійдетъ кеею хитростію. Подъ тей часъ многіе полки Татаровъ въ обоу наши зъ онаго рѣки берега перенести килкокротне покушались; обаче яко Поляки въ своемъ устроеніи стоятъ небоязвенно, крѣпко же и благополучно противу Турковъ ноборяютъ, егда увидѣша, всуе покусившихся, не безъ урону силы бѣсурманскоя отхождаху. Убито дне сего болѣе неже двадесять тысящей непріятеля; янчаровъ и шпаговъ пять тысящей полегло, нашихъ ниже двосотное число, но мнози раменніи.

Дня двадесять девятого септеврія.

Веліе было въ обозахъ Турецкихъ тихо; трупы побитыхъ въ обоихъ войскахъ погрѣбаху.

Дня тридесятаго септеврія.

Уже Отоманинъ усердиѣ покоя хотяше, тѣмъ же и пославши людій отъ себе знаменитыхъ заставу, миротворцовъ, ижебы о покою трактовали, въ обозъ къ нему прислани бывше, взійсковаше. Наречени бывають отъ Сіятелнѣйшаго Князя и войска Полскаго комѣсарин, а удержавши заставу, въ Турецкіе обози висилаются со избранными двосотнаго числа воинами. Сихъ два Баши зъ нѣколикимъ числомъ Турковъ, на посреднемъ между обоуами полю стоя ождаху; таже когда снисдошася, и сотворену бывшу обычно воинскому привѣствію, единъ зъ комисаровъ Полскихъ рече: «миръ и брани вамъ и вашему принесемъ повелителейъ.» На се, нѣчто воздхнувши, Турки единосреднимъ гласомъ отвѣщаша: «миръ намъ и повелителейъ нашему уже вожделѣній принесѣте.» Когда же во обози Турецкіе были входяще, всѣхъ очеса варваровъ и тѣхъ лица наши въ себѣ утоплена имѣяху; благоправнѣ отъ Императора Турецкаго были воспріяти, и явѣ предъ всѣми слово покоя имѣяху.

Дня первого октября.

Вишелъ былъ немногими предъ симъ денми, зъ виборною пѣхоти рукою, отъ обозовъ Полскихъ за Камянецъ капитанъ Вѣленскій, дабы могъ оттуду гладомъ уже изморенному хлѣба войску притяжати. Сей егда уже ко обозомъ возійти хотяше, Турки и Татары на пути заступили, а животу би то всего войска нашего, о сей точію единой пищи въ прочее жити время, юже онъ оттуду принести имѣяше. Что онъ чрезъ вивѣдчиковъ своихъ познавши, осмъ днй подъ Камянцемъ со всѣмъ своимъ полкомъ стоялъ, и многократно ити покусившись, на томъ же пакы мѣстцу пребыти нуждася, многочисленіи бо по широкомъ полю купи Татаровъ видяхуся, иже вся пути обдержажу. Но Полякъ, даби оболстити непріятели, ношцію на страну десную уклонилъ пути своего шествіе, и до рѣки Днѣстра, не вѣдушу непріятели, далечайшимъ путемъ пройде; цѣлу-же сохранену сушу воинству и зъ онимъ хлѣбному запасу, ставъ подъ обозами. Се увидѣвши Татары на его набѣгали; но отъ обозовъ и отъ замку Хотѣнѣ кгда на Татаръ зъ арматы стрѣляно, отвернули. Тогожде дни до Сіятелнѣйшого Князя прійдоша посланици отъ Козаковъ, Крайну при рѣцѣ Волгѣ населяющихъ; ихъ же посланія дѣло сіе быше: яко Козаки зъ войскомъ числа двадцятотисячного во обози Сіятелнѣйшого Князя по тріехъ днехъ прибыти имѣють, скорую же и вѣрную помощь дати ему на той войнѣ, противъ общаго Христіанского непріятели намѣривають. Пріяти убо суть отъ Сіятелнѣйшого Князя щедролубнѣ; реченно же имъ, да аще когда прійдутъ, знаменія и хорогви распрострутъ приходящи Королевскія.

Дня второго октября.

Поймани суть нѣци отъ сопротивнихъ, нѣци же до нашихъ самоволнѣ предася; сіи утверждали единословнѣ

глаголюще, яко Турки уже стужившася на войнѣ той, и покоя усердствуютъ, до которого усилными прошеніи своего Императора явѣ накланяють.

Дня третого и четвертого октоврія.

Пастуси Полскіи частіи потички зъ Турками отправляли которими немалую шкоду непріятелевѣ учинили, ибо коней много до своихъ обозовъ Турецкихъ загнали; чего ради на желаніе Турковъ въ обоихъ войскахъ указами оголошено, аби воинство на время оружія отложило, и звади не чинило, донелѣ же или миръ или война будетъ поставлена.

Дня пятого, шестого и седмого октоврія.

О уставахъ покоя отъ обоихъ сторонъ было слово. Такожде и войско уже Полское во великомъ живности оскудѣнии обрѣташеся, голямъ добовимъ коней своихъ пасли; и сего ради великое ихъ число на шкоду войску болшую пропало. Кая вещь покой паче избрати, нежели за неизвѣстною побѣдою уганяться увѣщеваше, и яко лучший и безпечнѣйшій есть честній покой, нежели надѣемая вѣкторія, не безъ боя зново быти видяшеся, толкикихъ отпоровъ и браней зъ непріателемъ благополучіе на неизвѣстній единой години жребій поставляти. Турчинъ еще множае воинства въ числѣ имѣяше, а еже ко сложенію покоя удобство все въ нашей руцѣ баше, что на остатній баталіи уже во волѣ истиной фортуни было би.

Дня осмого октоврія.

Предѣ вечеромъ покой учинили, на сихъ постановленіяхъ:

1) Доби Императоръ Турецкій вопервихъ зъ своимъ войскомъ и оружіемъ, смотрящу и во устроеніи яко ко бранни войску Полскому сущу, четвертого дне по состояніи мира, зъ поля битвы рущилъ, и войско все немедленно превель въ Фракію.

Г

2) Аби замокъ Хотѣнь, крѣпость Волоцини и приступъ до панства Турецкого, вѣчными часи до Королевства Полского належала.

3) Все неволники, такъ на мимошедшихъ, яко настоявшихъ войнахъ взятѣи, аби были взаимъ возвращени.

4) Даби Волоцина жила по давнихъ правахъ, отъ Казѣмѣра Ягелла Короля Полского, а отъ Магумета Императора Турецкого виданихъ.

5) Татары въ добра Полскіи, а Козаки въ панства Турецкіи для добичи даби не вбѣгали; еже аще было би, убо шкоди починеніи награждати.

6) Даби Татарскій Ханъ на всякую потребу Короля Полского, во всѣхъ виправахъ военныхъ, сопровтивъ кѣихъ колвекъ Королевству его супостатовъ былъ зъ войскомъ своимъ готовій; за что Хановѣ Король Полскій мѣеть по тридцать тысящей золотихъ, чрезъ нѣколко лѣтъ, жалованя давати.

7) Отъ стороны Императора Турецкого единъ Баша, а отъ стороны Короля Полского сенаторъ царственій, сей до порти Отоманской, овъ же до Короля Полского, присягнути на постановленіяхъ даби были прислани; и такъ ствердивши примиреніе, Турчинъ въ дворѣ поселскомъ Корони Полской, Король же у Порти Отоманской да имѣють своихъ резидентовъ; и тимъ способомъ вѣчную между собою заховають пріязнь, если толко сія отъ которой колвекъ стороны не будетъ разорена.

Тѣ статья сложивши и примиріе учинивши, всю пощъ дня находящаго Турки зъ арматъ на radoшахъ стрѣляли; что тежъ и Поляки дню возсіавати начинающу, учинили.

Дня девятого, десятого и еднанадесятого октоврія.

Между войсками Турецкимъ и Полскимъ купля дѣяшеся; много драгоцѣнихъ коней тысящей наши на малой цѣнѣ у Турковъ покупили.

Мѣсяця дванадесятаго октоврія.

Рушати Турецкимъ обозомъ и уступити зъ поля день возсія предустановленій. Все же войско Полское на полю битви отъ Сіятелнѣйшого Князя, на образъ орла крилѣ простирающаго, вооруженое бываетъ устроено; самъ Сіятелнѣйшій Князь, по верху оружія блестящагося облекшися въ порфиру, на челѣ войска своего мѣсце имѣяше. Итакъ предъ часомъ полуденнимъ, Турецкій Императоръ войско отъ обозу изводитъ, и устроиватися оному по подобію луны средней повелѣваетъ; а самъ такожде сталъ на челѣ войска своего. Тѣши образи войска устроениіи яко часъ исполнь нерушимо стояли. Въ то время посылаетъ Отомайъ слоня дивнаго величества и коня въ нарядѣ выборного въ даръ Сіятелнѣйшему Князевѣ; но и Сіятелнѣйшій Князь такого-жъ коня нарядного и двѣ арматы благохудожнѣ содѣланіи за даръ такожде посылаетъ. Воспріяти суть отъ обою дари; таже по семъ Турки, преклонивши своя вія, съ ними же и воинская знаменія, Поляковъ жегнають; Полское же воинство главъ покивавемъ отклонилося. Толь довольно и превзобилио чудесъ Дѣлатель Богъ, въ таковыхъ и толкихъ нападеніяхъ вражихъ вдающемуся Королевству Полскому благопоспѣшествоваше; яко оное единими своими силами отпоръ давши двомъ премощнымъ Азіи Монархомъ — Турчину и Татаринѣмъ, а убивши болѣ ста и шесдесяти тысящей варваровъ, ниже на тысящу своихъ погубиша. Самъ Богъ Преплагій Всесилній зъ нашими въ потребѣ сей бяше; Ему же всегда присутствующу, падеть отъ страни нашея тысящами и тма одесную насъ.

Сумма обѣихъ Христіянскихъ и бѣсурманскихъ войскъ, подъ Хотѣнемъ и на мору Черномъ, року того 1621, войну зъ собою имѣвшихъ, зъ того-жъ діаруша войны Хотѣнской мною Самойломъ Величкомъ винята и изчислена:

Поляковъ было 87,000, а особливо зъ Принцъ Владиславомъ пришло 30,000, Козаковъ зъ Гетманомъ Сагайдачникомъ 40,000, и того всего 157,000. Особно на морѣ Черномъ, того-жъ лѣта флотомъ воднимъ подъ командою Богдана Хмельницкого находовалося Козаковъ по указу Королевскомъ 10,000: яко свидѣлствуютъ сей войны описатель, Матеей Титлевскій, септеврїя шестого, и войны Хмельницкого сказатель Самойлъ Твардовскій, въ книгѣ своей на листѣ пятомъ. Еще тежъ особно Козаковъ отъ рѣки Волги ишло на помощь противъ бѣсурманъ войску Польскому 20,000; но уже на войну тую не застало. Зъ того всего Поляковъ и Козаковъ на оной Хотѣнской войнѣ чрезъ бѣсурманъ убито 753 человекъ; а ранено Поляковъ и Козаковъ много, и самого Гетмана Петра Сагайдачного. Тамъ же подъ Хотѣнемъ было войска Турецкого 300,000, а Татарского 100,000. Зъ того чрезъ Козаковъ и Поляковъ вбито, Турковъ и Татаровъ, 139,600 человекъ, снаговъ 4800, янчаровъ 13,100 человекъ; Башей знаменитихъ 5 человекъ. И того всего Турковъ и Татаровъ, снаговъ и янчаровъ зъ Башами вбито тогда 157,505 человекъ.

На морѣ особно (яко септеврїя шестого въ сей войнѣ Хотѣнской выражается) Козаки зъ Хмельницкихъ, по свидѣлству Твардовского и сего діаріушиста Титлевского, 12 суденъ зъ арматами Турецкими розбили и потопили, а другіе судна ажъ подъ стѣни Цариградскія загнали, и самому Цариграду превеликое смятеніе и страхъ учинили, отъ всюду оногo порохомъ оружейнимъ окуривши. Потомъ другимъ разомъ того-жъ лѣта, на томъ же Черномъ морѣ, тіе-жъ Козаки нѣсколко суденъ Турецкихъ зъ арматами ихъ розбили и потопили; що Османовѣ Царю Турецкому, подъ Хотѣнемъ зъ Поляками біощемуся, не мило было слышати.

О ривности Сагайдачнаго по благочестіи на Унѣю оберненомъ; о Унѣи тогда бывшой и ея принципалахъ; о бытности въ Кіевѣ святѣйшого Феофана Патріярха Іерусалимскаго, со отверженіемъ Унѣи и утверженіемъ святаго Православія, зъ посвященіемъ Іова Борецкаго на митрополию Кіевскую, и ннихъ владыкъ Православныхъ до престоловъ Рускихъ; о гордостномъ Цара Турскаго на Христіанъ военномъ намѣреніи, и о сромотномъ его зъ подѣ Хотѣня назадъ возвращеніи.

Петръ Сагайдачній, Гетманъ войска Запорожскаго, истинній будучи сынъ Православнаго Греко-Рускаго исповѣданія, и жалующи сердечне зъ старшиною своею и зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и цѣлимъ народомъ Рускимъ бгачестія святаго, отъ Римлянъ тогда зѣло утѣсняемого и въ Унѣю уже (яко прежде написахомъ, року отъ Рождества Господня 1595), чрезъ незбожнихъ принципаловъ ея, Кирила Терлецкаго епископа Луцкаго, Ипатія Поцея епископа Володимирскаго, и Михайла Рагози прелщеннаго митрополита Кіевскаго, воверженнаго; а имѣючи великую ласку у Короля Полскаго Жигмунта третого, любо прилѣжно старался и просилъ Короля о знесенѣ въ Русѣ тоея Унѣи, однакъ Король неотказуючи въ томъ ему цале, зволекалъ фортедне часъ отъ часу тое его о знесеню Унѣи желаніе. Но Богъ Всевѣдущій и вся благая созданію своему устрояющій, хотяи паки воздвигнути въ Русѣ падшую благочестія святаго скинию, прислалъ въ Русь святѣйшаго Феофана Патріярха Іерусалимскаго, иже предъ вишписанною войною Хотѣнскою однимъ лѣтомъ, то есть року отъ Рождества Господня 1620, въ Кіевъ прибывши, за позволеніемъ Короля Жигмунта певное время спокойне

въ немъ прежити изволилъ; которого ревнитель святого благочестія онъ Гетманъ Сагайдачній привиталъ и принялъ радостно, и заразъ чинилъ совѣтъ зъ подручными своими Православными Русами, аби могли мѣти въ церквѣ своей Руской пастирей Православныхъ, на мѣстахъ владыкъ унѣтовъ; и избравши згодне людей духовныхъ чесныхъ и ученыхъ, отцу Патріярху ихъ презентовали, и о посвященіе онихъ просили.

Тому Сагайдачнаго прошенію Святѣйшій Феофанъ Патріярхъ неотмовивши, и овшемъ благочестія ради радостей будучи, а зъ Ексархомъ Фрону Константинопольского, въ Кіевѣ бывшимъ, увидѣвшись, посвятилъ тихъ избранныхъ особъ на владичество року отъ рождества Господня 1621; а именно Іова Борецкого на митрополию Кіевскую, а владыкъ иныхъ на каждую въ Русѣ епископію. И тако Господу поспѣшествующу, Унѣя чрезъ двадцать шесть лѣтъ въ Русѣ господствовавшая низложися, а благочестіе святое, аще и не надолго возвисися.

Потомъ вскорѣ святѣйшій отецъ Феофанъ, Патріярхъ Святого града Господня Іеросалима, зъ Кіева отъехалъ въ Грецію; егоже Гетманъ Сагайдачній зъ войскомъ Запорожскимъ, за вѣдомомъ Королевскимъ, опроводилъ до границъ Волоскихъ; а тамъ зъ жалемъ пожегнавшись, и благословеніе отъ святѣйшого отца одержавши, повернулъ въ домъ свой до Кіева.

За тимъ мало погодивши, тогожъ 1621 року, війшолъ Османъ Царь Турскій, зъ многими войсками своими бѣсурманскими, на тую войну, которая подъ Хотѣнемъ зъ Христіянами отправодалася, яко прежде описанній діарушъ Титлевского свѣдителяствуетъ. Вишедши же онъ бѣсурманинъ тогда на Христіянъ войною, аще и хвалился отъ гордости своея, надѣючися на множество силъ своихъ, въ войску Запорожскомъ сѣдати, а въ обозѣ Полскомъ обѣдати; но Богъ — *иже не въ силъ констей восхоцеть, ни въ лыстьхъ му-*

жескихъ благоволить—тое гордостное бѣсурманское вспакъ обрати намѣреніе, помогши на него всекрѣпкою силою Своею вѣрнимъ рабомъ своимъ Христіаномъ; и що хвалился безумнѣ Христіанъ побѣдити, самъ отъ нихъ zostалъ посрамленній, и зо встидомъ, при превеликой войска своего шкодѣ, отъ Хотѣна назадъ заверненній.

О той же войнѣ Хотѣнской мало вспомнѣлъ гисторикъ Нѣмецкій Самуилъ Пуфендорфій; но я преждеописаннимъ діаріушемъ Титлевского доволствуючися, Пуфендорфіевой рѣчи, а звлача несовершенно и не ясно положенной, здесь не прилагаю; хотяй убо вѣдати о томъ, да чтеть книги Пуфендорфіевой листъ 388.

Прилагается еще и сіе здесь о Святѣйшомъ Феофану Патріарху Іерусалимскомъ.

Что оній (яко прежде на листѣ... виразилося) первѣ року отъ рождества Господня 1619, бысть въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, и тамо, зъ соглаеіемъ Цара и Самодержца Всеросійского Михаила Феодоровича и всего духовенства, избралъ и освятилъ на Патріаршество Всеросійское преосвященного Филарета Никитича митрополита Ростовского и Ярославского; а потомъ зъ Москви прибывши въ Кіевъ, яко вите рѣхомъ року 1620, отвергъ бывшую тогда въ Руси Унѣю, и утвердилъ святое Православіе. Того-жъ времени, бывши онъ святѣйшій Феофанъ Патріархъ въ монастыру Кіево-Межигорскомъ, свѣдѣлествовалъ явственно своими устнами всей братіи тамошней о огню, чудесно въ день Свѣтлого Воскресенія Господня, на гробъ Его святій свишше низходящомъ, и отъ гроба неопално руками Патріаршми пріемлемомъ, и православнимъ Христіаномъ, на благословеніе, ко вожженію свѣщъ раздаваемомъ. Братія же Межигорская, тое отъ устъ Патріаршихъ слышавши, на подкрѣпленіе всеѣмъ Православнымъ Рускимъ Христіаномъ въ вѣрѣ, чрезъ Унѣю отъ Римлянъ колеблемой, выдали отъ себе о томъ чудесномъ огню

божественномъ, писаніями отвористими унѣверсалними, таковіе свѣдѣтельства.

Писаніе же тоє отцовъ Межигорскихъ сицевое естъ:

Всѣмъ церквамъ Божіимъ, благочестивимъ священникомъ и Православнымъ Христіяномъ, мужемъ, юношамъ и дѣвамъ, истиннымъ Божіимъ работъ о Господѣ радоватись.

Радость бо вамъ пишемъ, которая вѣдомость подаеть намъ отъ небеси вѣрнимъ людемъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, у святого гроба Господня, на день святое Пасхи Христова Воскресенія по стару календару; яко слышалисмо отъ отца нашего святѣйшого Патріарха Іерусалимского Феофана нашими слухами, отъ святителскихъ устъ его, во святой обители монастыра Межигорского Кіевского, которій былъ упрошенній отъ столицѣ гроба Господня до царства Московского для справъ духовныхъ, и тамъ, зо всѣмъ духовенствомъ Московскимъ, за позволенемъ трехъ святѣйшихъ Патріарховъ Вселенскихъ, посвятилъ Патріарха, и Цара благочестивого короновалъ на Царство Московское Великого Князя Михаила, и привернулъ до краевъ Рускихъ во святій градъ Кіевъ, даючи о себѣ знаемость Его Милости Королю Полскому, навѣжаючи насъ по Бозѣ, якъ восточній нашъ отецъ. Предстоящимъ же намъ многимъ особамъ духовнымъ и свѣцкимъ, наукою оповѣдалъ намъ о чудеси гроба Господня, бываемомъ на празникъ святія Пасхи: святую, мовить, вѣру нашу Христіянскую самъ Богъ утверждаетъ таковыми чудеси, братія, иже во святій день великій суботній, во градѣ святомъ Іерусалимѣ, гди бываеть огонь погашоній, зъ росказаня Цара Турецкого, во церквахъ и во градѣ, подъ строгимъ караніемъ; и ми всѣ единодушно, со плачемъ и зъ молитвами, ожидаемъ небесного огня пришествія, просячи господа Бога, да послетъ намъ звиклій свой даръ святій; и въ часъ пѣнія стиха на суботной вечерни, кгда начнемъ пѣти — *освете тмѣй* — приходить свя-

тая свѣтлость, и станеть на дверехъ гробныхъ, и спадаеть святая роса огненная на камень верхъ гроба Господня, где печатни оловяними заливано отъ Жидовъ; ми же во всемъ святителскомъ уборѣ, зъ духовнымъ соборомъ приходимъ, и свѣчи зажжегши, благословляемъ себе и народъ весь; до седми рукъ не опалимъ есть. Тогда всѣ лампи Православныхъ Христіанъ воспалють симъ святымъ огнемъ, отъ нихъ же іеретици приѣмлють огонь и зааляють свои лампи; ми же отъ рукъ не даемъ имъ святого огня, ниже сообщаемся съ ними. Первые же сто лѣтъ, кушили были мѣсце святого гроба у Турковъ Латини, и не было имъ таковаго чуда; и по мнозѣхъ лѣтахъ, милостию Божіею на Христіани, пришегъ сей святій огонь, за стѣною молящимся имъ, роздравше столпъ мрамуровій, чрезъ стѣну, и знаменіе его есть вовѣки. Тогда Латини посрамилися; Турци же видѣвши чудо сіе, Латиновъ изгнаша, и святій гробъ Православнымъ Христіаномъ обратиша; сіе чудо бысть по старому наному календару неотмѣнно. — Ми же тое слышавше отъ святѣйшого Патріярха, прославляемъ Бога во Троици Единого и святую Его милость, иже насъ утверждаетъ такими чудеси во святой правдивой вѣри, чающе нашего спасенія. Данъ зъ монастыра Межигорского, въ року по Воскресеніи Христовомъ 1624.

О дискреціи принцовой ку Сагайдачному и ку всему войску, предъ розъездомъ явленою; о розъездѣ, пожегнающа и ударованіи Сагайдачного отъ принца, и о упевненіи всего войска Козацкаго ласкою Королевскою.

Ко вышей описанному войны Хетманской діаріушу Титлевского придаеться наконецъ тое, зъ рукописныхъ лѣтописцовъ Козацкихъ, чего въ діаріушѣ Титлевского не обрѣлося; а то имашо сіе: иже по одейстию отъ Хетма всѣхъ

д

силъ бѣсурманскихъ, Турецкихъ и Татарскихъ, либо директоръ войска Христiанского, Свѣтлѣйшій Принцъ Владиславъ Жигмунтовичъ Королевичъ Полскiй, нужнѣйшiе войска своего хоронгви, также хорихъ и раннихъ заразъ отпустилъ зъ подъ Хотѣня, зъ обозу главного, куда кому належало; еднакъ самъ, зъ виборнѣйшимъ и здоровимъ войскомъ Полскимъ и зо всѣмъ Козацкимъ, засматриваючися на обороти непрiятелскiи и бѣсурманскiи, еще тиждень забавился подъ Хотѣню, выступивши тилко на подмиль зъ окоповъ старшихъ обозовихъ, уже просмрадшихся, на свѣжое здоровое поле. Где застаючи при належитой Полской и Козацкой осторожности, яко самъ зъ енералами, полковниками и иншими войскъ своихъ офѣцерами, уживалъ що денне, при арматнихъ и мушкетнихъ стрѣлбахъ и войсковихъ музичнихъ играхъ, веселiи компанiи и рекреаци; такъ и Козаковъ, по фатигахъ премногихъ военныхъ, не-препомнѣвъ того-жъ веселiя своего сотворити учасниками: гди на все войско Козацкое, о стреленiе тилко зъ луку особнимъ обозомъ отъ обозу Полского зъ Сагайдачнимъ стоявшое, прислалъ вина Волоского (о которое тамъ было не трудно) 25 бутъ наибольшихъ, меду питного зъ Камянца одiйсканного 48 бочокъ, и горѣлки простой 24 куфи великихъ, кромѣ харчевихъ рознихъ вещей, съ тамошнихъ околичнихъ поближшихъ городовъ и сель, по указу Принцъ Владиславемъ, бесплатно въ обозъ Козацкiй премного навезеннихъ. Особливе Гетману Сагайдачному, на одрѣ болѣзни лежавшому, онъ Принцъ Владиславъ тогда-жъ прислати изволилъ, кромѣ иншихъ многихъ виборнихъ и посполитихъ харчевихъ запасовъ и кунфектовъ, пуздро зъ дванацятми фляшами пулгарцевими сребрними, пстро злоцѣстими, аптекарскими лѣкарственними водками наполненными; вина виборного Котнарского буту невелику, вина Ренскаго бочку, и вина найлутшого Венгерского сѣмъ анталовъ. При погуляняхъ своихъ Принцъ Владиславъ мѣвалъ

завше и старшину Козацкую, но не всю, кромѣ Гетмана Сагайдачного, которій килкома смертними пострѣлами бѣсурманскими будучи раненій, не могъ уже тою веселою доброму пану своему Принцъ Владиславу допомогти компанѣи; для лучшей еднакъ выгоди еще прислалъ ему онъ, Принцъ Владиславъ, полатку свою кармазиновую, зеленою адамашкою Венецкою подшитую.

По вѣйстю зась чтирохъ дней, ударовавши Принцъ Владиславъ начальниковъ и всѣхъ Козаковъ, отъ Волги въ двадцати тысячахъ прибылихъ, позволилъ имъ ити во свояси. А по вѣйстю другихъ чтирохъ дней, получивши Принцъ Свѣтлѣйшій отъ Козаковъ певную реляцію, же уже неприятель бѣсурманинъ невозвратимъ шествѣемъ во свояси запустившися, далеко отдалился, велѣлъ своему и Козацкому войску до порушеня въ доми прибѣратися. Переночовавши зась, октоврѣя 21 предъ свѣтаніемъ, вдарено такъ въ обозахъ короннихъ, яко и въ обозѣ Козацкомъ на котлахъ, даючи гасло войску прибѣратися до порушеня. Скоро тежъ мрачнѣе умбри ношнѣе уступили, а яснѣй вождедѣльного покоя возсіалъ день, тогда заразъ обози Полскіе и Козацкіе належитимъ порядкомъ и чиномъ начали рушати во свояси; а Свѣтлѣйшій Принцъ Владиславъ, хотячи зъ Сагайдачнимъ Гетманомъ Козацкимъ и зо всѣмъ войскомъ пожегнатися, прибылъ заразъ якъ би въ пултора ста коней въ обозъ, до Сагайдачного, которому и тамже всей старшинѣ и всему войску, за щирую и вѣрную службу въ военной окказіи висвѣдченную, велде подяковавши, и заплаатою отъ отца своего, Короля Жигмунта третого, старшину и все войско обладеживши, пожартовалъ мало до Сагайдачного зъ смѣхомъ: бо увидѣвши возъ простій пароконній, сѣномъ наполненій и коберцами зъ подушками усланній, и изверху будку здѣланную и коберцами укритую, дорозумѣлся ижъ то для Сагайдачного, отъ ранъ смертнихъ болѣзнуючого, было наготовано; и заразъ пославши въ обозъ свой, одійскалъ в Са-

гайдачному даровавъ зъ парюю коней легкихъ, въ шорахъ пошлоцѣстихъ бывшихъ, лектичку свою зъ балдахинномъ табину зеленого, златіе квѣточки по себѣ имѣвшого; даровавъ при томъ же Сагайдачному канакъ щирозлотній, въ осмдесять шесть червонихъ бывшій, на богатой фіялковоі стояжцѣ завѣщенный, на которомъ зъ одной стороны была персона отца его Принцъ Владиславова, Короля Жигмунта, виборними рубѣнами осаженная, а зъ другой стороны былъ орелъ гербовій корони Полскоі, найвиборнѣйшими шафѣрами обложенній. Що гди даровавъ Принцъ Сагайдачному, тогда его зъ постелѣ зведено и на ногахъ поставлено; якій канакъ принцъ Владиславъ самъ зложилъ на Сагайдачного и поцеловавъ въ голову; а Сагайдачній елико было можно поклонившися Принцу, поцеловавъ его въ обидѣ руки. При конечномъ тежъ пожегнаннюся, придавши принцъ Сагайдачному Француза доктора своего, и приказавши ему, подѣ великими ласкѣ своихъ обѣтницами, яко свое власное такъ о Сагайдачного пенцися здорове и улечене, желавъ Сагайдачного, аби еще, для всякой отъ неприятели осторожности, зоставилъ тамъ, коло Хотѣня, на килко недель зъ килко тысячъ войска Козацкого. По якожъ пожегнанюся Принцъ отѣхавши отъ Сагайдачного, заразъ совсѣмъ рушилъ во свояси ку Кракову; а Сагайдачній тожъ, пять тысячъ войска виборного Козацкого подѣ Хотѣнемъ зоставивши, и до Филиповихъ запустовъ во всякой осторожности и скромности тамъ забавитися приказавши, самъ совсѣмъ рушилъ до Кіева.

Въ дорожѣ зась, яко Кролевичъ Владиславъ, такъ и Гетманъ Сагайдачній войска всѣ, где кому належало пороспущали; а сами въ легцѣ, овъ до Кракова, а другій до Кіева прибыли.

Зъ якимъ зась триумфомъ Принцъ Владиславъ, чрезъ сенаторовъ отческихъ и Краковянъ былъ встрѣчанъ и у Краковъ проваженъ, тое оставляю Полскимъ дѣюписамъ. А Са-

гайдачного полумертвого, безъ жадной нублѣжки смирно въ Кіевъ въехавшого, тилко въ дворѣ своемъ плачущая встрѣтила и приняла жена его, предъ заступами Филиповскими.

О тривожливой вѣдомости у Сагайдачного болного, и о новой печали зъ Козацкихъ жалобъ; о похваленіи Королевскомъ листовномъ служби военной Хотѣнской, Сагайдачному и всемъ Козакамъ, по залеценю Принцъ Владиславемъ, и о присланю ему Сагайдачному и всему войску подарунковъ и плати пѣняжни, за тѣ ихъ труды.

Року отъ сотворенія свѣта 7130, а отъ воплощенія Господня 1622, за прибытемъ Гетмана Сагайдачного въ Кіевъ, заразъ зъ одной стороны отъ Дону, чрезъ выходцовъ Азовскихъ дойшла ему вѣдомость, же тожь зими, орды Азовскіи, Кубанскіи и Черкескіи, пактовъ Хотѣнскихъ невѣдомыми чинившися, мѣли приходити войною на Украину и Польшу; а зъ другой стороны, отъ многихъ Козаковъ Украинскихъ занесени апелляціи и жалоби на пановъ Полевскихъ и старостокъ ихъ, о чиненіяхъ безъ нихъ въ домахъ ихъ утискахъ, разореніяхъ, бѣдствахъ и побояхъ жонамъ и матерамъ ихъ, принуждаючи ихъ до всякихъ работизнъ панскихъ. Що увидѣвши Сагайдачній, любо тяжко уболѣвалъ о томъ, на одрѣ болѣзни сущи, однакожь зъ апелляцією о томъ до Королевского Величества удержался; а по вѣдомостямъ преречонимъ Азовскимъ, приказалъ універсалами своими всему Козацству Украинскому и посолству быти въ осторожности, и въ поготовости ку отпору непріятелскому.

Тимъ временемъ директоръ войны Хотѣнской, Свѣтлѣйшій Принцъ Владиславъ синъ Королевскій, залецивши Сагайдачного и всего войска Козацкого вѣрною и тцаливую, въ военнихъ противъ бѣсурмановъ, Турковъ и Татаровъ, подѣ

Хотѣню окказіяхъ, ку его Королевскому Величеству службу, исходотайствоваль въ него, Короля Жигмунта отца своего, подлугъ деклараціей своей, велику ласку, похвалу и денежное Сагайдачному и Козакамъ за труды военніа награждение, чрезъ надворнаго подскарбого въ Кіевъ присланное, при такомъ похвалительномъ ему Сагайдачному и всему войску Запорожскому Королевскомъ листу.

Якій зде прилагається:

Żygmunt trzeci z Bożey łaski, Król Polski, Wielki Xiążę Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Kiiowski, Żmudski, Wołyński, Inflantski, Smoleński, Czernihowski a Szwedski, Gotski, Wandalski, Dziedziczny Król.

Urodzonemu nam wiernie miłemu y uprzeymie życzliwemu woyska naszego Zaporoskiego Hetmanowi ze wszystką starszyzną y z całem Rycerstwem Kozackym Ukraińskym łaska y pozdrowienie Nasze Krolewskie. Za powrotem szczęśliwym do Nas od Chocima z woyskami Naszemi koronnemi, Prync

Сигизмундъ третій, Божією милостію Король Полскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Пруссскій, Мазовецкій, Кіевскій, Жмудскій, Волинскій, Инфлянтскій, Смоленскій, Черниговскій, и Шведскій, Готескій, Вандальскій наслѣдственный Король.

Урожденному, Намъ любезновѣрному и преданному Вельможному Сагайдачному, Гетману войска Нашего Запорожскаго, со всею Старшиною и съ цѣлымъ рыцарствомъ Козацко-Украинскимъ, милость и привѣтствіе Наше Королевское. Послѣ благополучнаго возвращенія къ Намъ отъ Хотина, съ войсками Нашими коронными Принца Князя

Książęcia y syna Naszego Władysława z relaciy iego iesteśmy dostatecznie uwiadomieni o Waszey ze wszystkim woyskiem Zaporozskim ku Nam y ku całej koronie Polskoy uprzejmości y życzliwości, żeście tam pod Chocimem będąc społecznie z woyskami Naszemi koronnemi pod dyrekcją Jego Prync Władysława Xiążęcia y syna Naszego, z drugiemy wodzami koronnemi, ni mało zwykley ku Nam życzliwości swoiey nieuchybili, ale na wszelakie skinienie y ordynans Dyrektora swego byliście posłusznemi, powolnemi y gotowemi — zastawiać się przeciw hardego Otomanina obcego i naygłównieyszego wiary Naszey Chrześcianskoy prześladowcy y nieprzyaciela: y takieście onemu z wielką a bohatyrską odwagą, czynili wstrenty, że siła ich poganów od oręża Naszego y Waszego musiało na tamtych Chocimskich polach trupem polec, pozbywszy wiecznie naymilszego zdrowia y życia swego; zkład osobliwa niemnieysza sercu całego woyska Naszego koronnego była ochłoda y otu-

и сына Нашего Владислава, Мы обстоятельно узнали изъ его донесенія преданность и усердіе Ваше и всего войска Запорожскаго къ Намъ и къ цѣлой коронѣ Польской; что Вы въ бытность Вашу подъ Хотиномъ, вмѣстѣ съ войсками Нашими коронными, подъ начальствомъ Его Принца Владислава, Князя и сына Нашего, и другихъ военачальниковъ коронныхъ, не уклонились нисколько отъ обычной Вашей къ Намъ преданности, и повинувась и покоряясь всякому мановенію и приказанію Начальника Вашего, твердо стояли противъ гордаго Оттомана, общаго и главнѣйшаго гонителя и врага вѣры Нашей Христіанской; и столь мужественный давали отпоръ его нападеніямъ, что великое число невѣрныхъ пало отъ оружія Нашего и Вашего на тѣхъ поляхъ Хотинскихъ, лишившись драгоцнѣйшаго блага—здоровья и жизни; а Нашему войску коронному придана особенная бодрость и поощрѣніе къ конечному одолѣнію непріятеля. И дѣйствительно въ томъ необманула его на-

cha następującego całego w ten czas nad nieprzyjacielem zwycięstwa; iakoż y nieomyliła go w tym nadzieia, gdy hardy nieprzyjaciel wielkością sił swoich wczworo siły nasze przechodzącą, przy najpotężniejszej pomocy Boskiej od małości wojsk Naszych Chrześcijańskich został tam pod Chocimem porażony y do traktatu przynudzony: za co Jemu Stwórcielowi Naszemu niech będzie od nas sług iego wiekuista chwała. A ponieważ wierność sług y poddanych zwykła zachęcać Panów ku łaskawości y respektom tedy y my kontenci będąc uprzejmości i życzliwości waszey Nam i całej koronie Polskiej w progressie wojennym pod Chocimem pokazanej, wszelką łaską y respekta Wam y całemu wojsku naszemu Zaporożskiemu zawsze we wszystkich iego potrzebach y żądaniach wyświadczać chętnie przyrzekamy y deklarujemy: y co wam przed tym wyświadczył łaski y respektu swego przydaniem prawa wolności waszych Antecesor nasz sławney pamięci Na-

дежда; ибо гордый непріятель, числомъ силъ своихъ превосходившій въ четверо Наши силы, при Всемогущей помощи Божіей, малочисленнымъ войскомъ Нашимъ Христіанскимъ былъ подъ Хотиномъ ускромленъ и принужденъ къ миру; за что да будетъ вѣчная хвала Творцу Нашему отъ Насъ рабовъ Его! Поелику же вѣрность слугъ и подданныхъ обыкновенно побуждаетъ Владѣтелей къ милости и признательности, то и Мы, довольные Вашею преданностію и усердіемъ къ Намъ и къ цѣлой коронѣ Польской, которыя Вы показали военными подвигами Вашими подъ Хотиномъ; изъявляемъ Вамъ и цѣлому войску Нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ войска охотно оказывать обѣщаемъ. И сколько оказалъ Вамъ нѣкогда милости и расположенія славный предшественникъ Нашъ, Найяснѣйшій Стефанъ Баторій Король Польскій, умноженіемъ правъ и вольностей

jaśniejszy Stephan Batory Krol Polski, my nadto w dziesięcioro, czego tyło od Nas požądacie łaski Naszey wyświadczyć Wam wszystkiemu woysku Zaporoskiemu nie odmowiemy; a teraz pomienioną Chocimską odwagę y pracę waszą małym podarunkiem z skarbu Naszego Krolewskiego nagradzając, przez nadwornego Podskarbiego posyłamy cztery sta tysięcy talerow bitych, które rownym działem na pięćdziesiąt tysięcy wszystkiej czerni woyskowej, tak tey co pod Chocimem, iako i tey co z Chmelnickim na Ewxynoponcie w przemysłach woieniennych znajdowała się aby były rozdane y podzielone, niemiiając pokrewnych y wdów tego towarzystwa Kozackiego, które w woieniennych tego lata potrzebach swoje rycerskie położyli głowy. Osobno też waszey Hetmanskiej uprzejmości ze wszystką woyskową Starszyzną posyłam cztery tysiący czerwonych złotych, które podług słuszności y rostopności swojej między siebie rozdzielcie. Dwadzieścia zaś tysięcy Kozaków, które z Chrze-

Вашихъ, Мы не отречемъ даровать Вамъ противъ того въ десятеро, чего только пожелаете отъ Нашей милости. Теперь же, награждая малымъ подаркомъ упомянутое мужество Ваше и труды подъ Хотиномъ, посылаемъ изъ Нашей казны Королевской, чрезъ придворного подскарбія, чтыреста тысячъ битыхъ талеровъ; которые должны быть раздѣлены по ровну, и розданы пятидесяти тысячамъ всей черни войсковой, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ Хмельницкимъ на Понтѣ Эвксинскомъ, не минуя родственниковъ и вдовъ товарищества Козацкаго, положившаго свои рыцарскія головы въ военныхъ дѣйствіяхъ сего года. При томъ, особо Вашей Гетманской Милости со всѣю старшиною посылаю чтыре тысячи червонцевъ, которыя раздѣлите между собою по справедливости и усмотрѣнію Вашему. Двадцать же тысячъ Козаковъ, по Христіанскому

ściańskiej uprzejmości swojej od Wołgi na pomoc wojskóm Naszym koronnym pod Chocim przybyli byli, iuż należycie ukonentował Prync Władysław Xiąże y syn Nasz, odprawu-
jąc ych z tamtąd do ych domow. Tudzież osobliwie Wam Het-
manowi Naszemu Kozackiemu posylamy chorągiew Naszą Kro-
lewską, bulawę ceną w trzy tysięcy talerów y kanak w pięć
set talerow, co wszystko wdzięcznie przyjmcie a w swojej nie
odmienney ku Nam y ku wszystkiey koronie Polskiej uprzejmości
y życzliwości statecznie znajduycie się gorąco żądamy, y uprzej-
mie Wam życzymy ze wszystkim wojskiem Naszym Zaporo-
skim dobrego od Pana Boga zdrowia y szczęśliwych zawsze
uznawać sukcesow. Dan w Krakowie miesiąca Stycznia 12,
Anno Domini MDCXXII. Panowania Naszego trzydziestie
piątego roku.

Zygmunt Król ręką.

усердію своему пришедшихъ отъ береговъ Волги подъ Хотинь,
на помощь войскамъ Нашимъ короннымъ, уже достаточно
вознаграждены Принцемъ Владиславомъ, Княземъ и сыномъ
Нашимъ, при отправленіи ихъ оттуда въ дома. Также
особенно Вамъ, Гетману Нашему, посылаемъ хоругвь Нашу
Королевскую, булаву, цѣною въ три тысячи талеровъ, и
цѣпь въ пятьсотъ талеровъ; что все благодарно принявши,
пребывайте постоянно въ Вашей неизмѣнной къ Намъ
и всей коронѣ Польской преданности и усердіи; чего усер-
дно желаемъ, равно Вамъ со всѣмъ войскомъ Нашимъ За-
порожскимъ добраго отъ Господа Нашего здравія и успѣха
во всѣхъ предпріятіяхъ.

Данъ въ Краковѣ, Генваря 12 дня, 1622 года. Цар-
ствованія Нашего въ 35 годъ.

Сигизмундъ Король рукою своею.

На тотъ листъ до Короля респонсъ отъ Гетмана Сл-гайдачного, вѣншуючи щастя на войнѣ Хотѣнской, дякуючи за денги на чернѣ и старшину, и за подарунки себѣ присланніе, и доносячи коротко о обидахъ отъ старостокъ Лядскихъ Козачкамъ чиненихъ.

Наяснѣйшій и найпотужнѣйшій Мопархо Нашъ Полскій, Жвгмунте третій, Пане Нашъ Наймилоствѣйшій, и добродѣю Найласкавѣйшій.

Радостнимъ сердцемъ одобралисмо пречеснїй и превисокїй Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества листъ, похваляючїй Намъ, всему войску Запорозскому, вѣрне и щире сего свѣжопрошлого лѣта, военную подѣ Хотѣнемъ, за превисочайшую честь . . . . и вѣру Христїанскую, за достоинство Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества и всея Его держави корони Полскої, противъ главнаго непрїятеля Нашого Христїанского, Османа Цара Турецкого, отправленную службу. Которїй при своихъ благополучїяхъ и войскъ бѣсурманскихъ множествахъ гордящися, аще и отверзлъ былъ жвавїе уста своя, яко смокъ Трацкїй на поглощенїе Наше, и на раззоренїе всеконечное благоцвѣтущей Вашей Наяснѣйшого Королевского Величества держави; обаче дерзновенно, непобѣдимимъ Вашего Наяснѣйшого Величества многократно приразившися силамъ, и своего гордого предцвзятя яко о камень твердїй острое сокрушивши жало, замкнулъ допѣро и онїе жвавїе устнѣ свои; отстрадавши подобно въ нихъ отъ оружія коронного и Нашего Козацкого ядовитихъ и неситихъ зубовъ своихъ, склонился латво до прошенїя Наяснѣйшого вожда Нашего Принцъ Владислава, наймлшого Вашего Королевского Величества сына, о покой и трактатъ. Що

и получилъ, зъ полезными Вашему Наяснѣйшему Величеству и цалой короцѣ Полской кондиціями, и вѣкопомною а не- смертелною Вашего Королевского Величества и Нашего все- го войска Запорозского, паче же всего Христїянства славою. Но понеже тое преславное содѣлася дѣло не отъ На- шего человѣческаго майстерства и силы, но отъ особливїа благодати и всесилнїа помощи Божїа—крѣпкій во бранехъ Господь въ томъ помогъ Намъ—теди не Намъ, но имени Его Пресвятому да будетъ отъ всѣхъ Христїянъ хвала и благодаренїе во вѣки вѣковъ.

Вѣншую при семъ Я Гетманъ зо всѣмъ войскомъ За- порозскимъ Вашему Наяснѣйшему Королевскому Величе- ству того щастя, и надъ онымъ гордимъ Османомъ Царемъ Турскимъ подъ Хотѣнемъ одолѣнїа; и упрейме зичу, аби Тотже Всемогущїй Господь Богъ, заховавши при здоровю добромъ и щасливихъ сукцессахъ, множайшіе лѣта, Ваше Наяснѣйшее Королевское Величество, вложилъ страхъ всѣхъ бѣсурмановъ, враговъ Нашихъ Христїянскихъ; жеби они никогда отъ сего времени на Насъ повставати, и на державу Вашего Наяснѣйшого Величества вооружатися не посмѣли.

Плата прещедрои Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества ласки и добрости, на чернъ войска Нашого За- порозского, на земли подъ Хотѣнемъ и на Чорномъ мору, ажъ подъ самимъ Цариградомъ, зъ побѣдоносною Вашего Величества славою, въ прапахъ военныхъ сего прошлого лѣта бывшую—чтириста тысячъ таляровъ, и на Насъ стар- шину войсковую—чтириста червонихъ золотихъ, принята есть тутъ вдячне отъ рукъ посланного Вашего Наяснѣй- шого Королевского Величества, надворного его Милости пана подскарбіого, и роздѣлено будетъ подлугъ информа- цїи и указу Вашего Величества. А особливе Я Гетманъ за клейцоти войсковїе — короговъ, булаву, и за канакъ,

въ подарунку мѣѣ отъ Вашего Величества присланніе, при
нижайшемъ до ногъ Вашего Наяснѣйшого Величества
Королевскихъ служебничомъ уклонѣ, велце а покорне дя-
кую, и вѣрность мою непремѣнную Вашему Наяснѣйшому
Величеству и Наяснѣйшимъ Вашего Величества потомкамъ,
до кончини живота моего, щире записую. Надеженъ бу-
дучи безъ жадной вонтпливости, же и Ваше Наяснѣйшее
Королевское Величество, подлугъ своей превисокой декля-
раціи, изволить Насъ, войско Запорозское, въ своей отече-
ской неотмѣнной всегда ховати ласцѣ и протекціи; зъ
придаткомъ и примноженіемъ надъ прошлихъ антецесоровъ
своихъ, Наяснѣйшихъ Королей Полскихъ, правъ и вол-
ностей Нашихъ всего войска Запорозского. А любо зъ
стороны високодумнихъ и велможнихъ ихъ Милостей па-
новъ короннихъ — Вишневецкихъ, Конецполскихъ, Потоц-
кихъ, Калиновскихъ и инихъ, на Украинѣ, власной предко-
вѣчной отчизнѣ Нашой, власть свою неслухне распрости-
раючихъ, повѣвають на Насъ войско Запорозское холодни
и неприязненіи вѣтри, хотяціи славу Нашу въ персть все-
лити, и Насъ братію свою, вѣрнихъ Вашего Наяснѣйшого
Величества и всей коронѣ Полской слугъ, въ подданство
и ярмо работническое себѣ безможне наклонити; однакъ
уповаемъ, же кгда Ваше Величество восхоцешъ и пове-
лишь, то внятъ бури и вѣтри оніе престануть и въ тишину
преложатся. И не такъ Намъ есть жалосно на пановъ
преречонихъ, яко на ихъ старостохъ, нецнотливихъ синовъ
и павицъ, которіи ни Бога боятся, ни премощнихъ Вашего
Наяснѣйшого Величества Монаршихъ мандатовъ слухаютъ;
бо скоро Я Гетманъ, по указу Вашего Величества, на Хо-
тѣнскую военную службу зъ Козаками зъ Украины вѣй-
шоль, тогда они, старостки, заразь козачокъ бѣднихъ на-
чали на всякіе работизни панскіе, безъ жадного обзору и
призрѣнія, часто вигонити, бити и вязенями неслухаючихъ
мордовати; що тяжко и жалосно Козакамъ, зъ служби

Вашой Монаршой военной зъ ранами еще неугоенными и червей полными повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати, и слези зъ очесъ ихъ точащіяся видѣти. О чомъ Ми зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ впередъ, чрезъ нарочнихъ пословъ Нашихъ, ретелне Вашому Наяснѣйшему Королевскому Величеству донести и милости просити можемъ; если не прешкодятъ Намъ въ томъ своевольніи, и пактовъ Хотѣнскихъ невѣдомими чпячїися Орди Азовскїи, Кубанскїи и Черкескїи; которїи по повѣстьямъ выходцовъ зъ Азову, мѣють сеи зми вторгнути нетилко въ державу Вашего Величества и Украину Нашу Малоросїйскую, але ку Львову и далѣй. Для чого Ми не такъ о аппеляціи до Вашего Величества въ Нашихъ обидахъ и утїскахъ, яко о даню отпору и встренту онимъ непрїателемъ своимъ бѣсурманомъ, барзѣй промишляти должны есми.

Ваше же Наяснѣйшее Королевское Величество, яко отецъ милостивїи и Панъ Нашъ найласкавїиїи, и по семъ короткомъ донесеню Нашомъ, можетъ своевольнихъ старостокъ и праволомцовъ (которїе на особливомъ реестрику виражаются) усмирити и покарати; а Козаковъ бѣднихъ, отъ ихъ безбожныхъ насилствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдижъ если они Козаки не получаютъ въ томъ Вашего Королевского Наяснѣйшого Величества прирѣнїи и респекту, то же би що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемруютъ) не уродилося, и огня гнѣвного (чого не дай Боже) не запалило; въ якїй часъ уже не на Козаковъ, але сами на себе и на своихъ пяницъ старостокъ велможнихъ, ихъ Милость панове Полскїи нарѣкати и жалковати мусѣли би.

Що все премудрому и превисокому Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества разсужденїю подавши, вручаю мя яко пайпокорнѣй, зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ

Панской и отческой Вашего Величества добрости и ласке.
Зъ Кіева, февруарія 15, року 1622.

*Вашему Королевскому Наяснѣйшому Величеству
вѣрній, и всего добра упрейме зичливій и нижайшій
слуга, Петръ Конашевичъ Сагайдачній Гетманъ, зо
всѣмъ войскомъ Запорозскимъ.*

О отпуску доктора отъ Сагайдачнаго, зъ листовнимъ остатнимъ пожегнанемъ и прошеніемъ за Козаками и Православіемъ.

Отправивши зъ Кіева Гетманъ Сагайдачній подскарбію надворного Королевского, зъ вишписанимъ листовнимъ за присланіе подарунку ему и всему войску Козацкому подякованіемъ, отправилъ не долго забавивши и доктора Королевского, подъ Хотѣнемъ ему отъ Принца Владислава для улѣченя приданного; зрозумѣвши пале, же уже не отъ болѣзни своея и ранъ вилѣчитися, но зъ реестру живущихъ на земли вилучитися муситъ. Чрезъ того теди доктора, онъ Сагайдачній до Королевского Величества жегнателній, и за Козаками отъ Поляковъ утѣсняемими, а особливо за Православіе отъ Унѣи освобожденное, и впередъ въ своихъ клявуляхъ жеби были сохраняемо, писалъ таковій листъ свой:

Наяснѣйшій Королю Полскій и Наймилости-
вѣйшій мой Панае.

Поворочаючи зъ подъ Хотѣня до дому, любо Свѣтлѣйшій Ксіонже Принцъ Владиславъ, наймилшій Вашего Королевского Величества синъ, а мой найласкавѣйшій добро-

дѣй, для улѣченія смертельныхъ ранъ и болѣзней моихъ придалъ мнѣ лѣкаря своего; однако изнемогають тамъ всѣ того лѣкаря лѣкарственнымъ медикамента и дощѣпи, где ядовити пострѣли бѣсурманскіи, въ гѣло мое потрафивши, всѣ майстерства лѣкарственнымъ упередили, и смертотворній ядъ свой внутренни дѣйствіями во всѣ состави и жили мои разливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояють мнѣ дорогу; бо имъ далѣй, тимъ барзѣй изнемогаю и до кончини приближаюся. Для чого несмѣючи болшей и доктора Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества при себѣ удерживати, зъ достодолжнимъ служебничимъ за него благодареніемъ, отпускаю его до двору Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества.

Самъ тежъ приближаючися ко дверемъ гробнимъ, отдаю подъ ноги Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества найнижайшій остатній уклонъ мой; и уже ненадѣючися болшей видѣти въ жизни сей Наяснѣйшого лица и ласкавихъ ку себѣ очесъ Вашего Королевского Величества, послѣднимъ листовнимъ пожегнанемъ жегнаю превисокіе Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества и наймилшого сына Вашего, моего же директора и найласкавшого добродѣя, Свѣтлѣйшого Ксіонженца Принца Владислава, персони. Где яко упрейме зичу, аби Господь Богъ всемогущею силою сохранилъ Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества и наймилшого сына Вашего Принца Владислава здоровье, при щасливихъ всегда Вашихъ и держави Вашея, корони Полскія сукцессахъ; такъ и прошу покорне Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества прощенія, въ чомъ би колвекъ згрубилъ и погрѣшилъ яко чоловікъ, предъ Наяснѣйшимъ Вашего Величества Маестатомъ.

Панъ докторъ Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества, будучи при мнѣ въ Кіевѣ чрезъ часъ немалій, яко присмотрядся добре безпрестаннымъ многихъ Козаковъ, отъ пановъ Полскихъ и ихъ старостокъ розними способами ос-

корбленнихъ и бѣдствуемихъ, сквиркамъ, плачамъ и аппеляціямъ до мене заношеннимъ; такъ о всемъ томъ можетъ ретелне словесно донести Вашому Величеству, если Ваше Наяснѣйшее Величество рачишь его о томъ спитати и милостиво послухати. А я Монаршіе Вашего Королевского Величества нозѣ смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, даби тоє Козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе, превисокимъ и грознимъ Вашего Наяснѣйшого Величества мандатомъ, было запрѣщено и ускромлено. Особливе Унѣя, за милостивимъ Вашего Наяснѣйшого Королевского Величества позволенемъ теперъ зъ Русѣ чрезъ святѣйшого Феофана, Патріярху Іерусалимского, знесенная, аби впредь въ той же Русѣ никогда не отновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Мають абовѣмъ отци езуити и все духовенство костела Римского (и безъ насъ Православнихъ) кого до Унѣи своей наворочати и присвояти, тихъ народовъ которіи отнюдъ не вѣдають и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А ми Православніи, древнихъ святыхъ Апостолскихъ и отческихъ преданій и догматовъ безъ жадной Унѣи и схизми придержавши, не отчаваемся нашего спасенія и блаженного живота вѣчного.

Сіи двѣ мои, вѣрнаго Вашего Королевского Величества слуги, желанія, ежели рачишь и наймилшимъ дѣтемъ своимъ по себѣ милостивно прикажешъ учинити, и непременно всегда заховати; то и панованіе ихъ и цѣлой корони въ тишинѣ и благовременномъ отъ всѣхъ непріятельскихъ навѣтовъ покои завше будетъ и преизбудеть; чога я и повторе всеусердно желаю. Зъ Кіева, марта числѣ послѣднихъ, року 1622.

Вашому Наяснѣйшому Королевскому Величеству вѣрній и найнижшій слуга

*Петро Ковашевичъ Сагайдачній, Гетманъ войска
Запорожского.*

ж

О приготавливаюся Сагайдачнаго на кончину свою; о распораженію имѣнія своего; о кончинѣ и погребеніи чесномъ въ монастыру Кіево-Брацкомъ.

Зъ таковымъ листомъ отпутивши отъ себе Сагайдачній доктора Королевского и значне его ударовавши, а порозумѣвши непремѣнную кончину житія своего, яко былъ человекъ вѣри Православной Греко-Руской, шляхетне урожоній, въ науцѣ писменной отъ иншихъ непослѣдній, въ роостропности мірской цекавій, къ товариству войсковому ласкавій, въ чину Козацкомъ надъ иншихъ знаменитшій, и въ цнотахъ рицерскихъ справній и безъ похиби первѣйшій; такъ все тое тщетное и маловременное блаженство тогда уничтоживши, началъ приготавливатися ко исходу, и вѣчного души своей искати блаженства (яко въ вѣршахъ при погребеніи, чрезъ студентовъ Кіевскихъ мовленнихъ, изобрѣлося). Для чого отринувши всѣ художества лѣкарственіи, оплакивалъ грѣхи свои, и чрезъ кляко неделнее предъ кончиною время кляко разъ исповѣдался; сѣмъ разъ пріймовалъ Тайну Маслосвятія, а за нимъ заразъ пріймовалъ и Тайну душеспасительную Пренайсвятѣйшой Евхаристіи. Потомъ распорядилъ имѣніе свое на церкви, на шпиталѣ, на школи и монастырѣ, кромѣ жены своей. Не препомнѣлъ тогдажъ (хочъ далекого) ялмужною брацства Лвовского уконтентовати; особливе брацство Кіевское значною килкотисячною удоволивши ялмужною, записался въ него зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ, зъ таковымъ желаніемъ, аби въ томъ брацствѣ отправовалось школьное ученіе.

На остатокъ, при такомъ расположенію имѣнія своего, чи то въ мѣсяцю марту чили въ послѣднихъ, чили въ апрілю или въ маю, невѣдомо числа якого, скончилъ животь

свой; и погребенъ чesно и знаменито, чрезъ преосвященнаго митрополита своего Кіевскаго отца Іова Борецкаго, при церквѣ Соборной, въ томъ же монастыру Брацкомъ Кіевскомъ сущей, тогожь 1622 року; оставивши Козаковъ и все войско Запорозское во великой печали и въ неустроенномъ по себѣ сиротствѣ, безъ Гетмана и начало-вожда имъ потребнаго.

